

Как многих советских людей, война не обошла стороной мою семью. Члены моей семьи встретили её тем самым страшным утром 22 июня 1941 года, и закончили в 1945 году в Праге – кому повезло остаться в живых. Вот их имена:

**Дьяков Дмитрий Иванович**, мой дед по отцу. 1912 года рождения. Артиллерист. Погиб во время бомбёжки эшелона на станции Дно при обороне Ленинграда в конце лета 1941 года. Выяснилось это позднее в начале 1942 года, сначала считалось, что пропал без вести.

**Дьякова Мария Васильевна**. Моя бабушка. 1913 года рождения. Все 900 дней блокады провела в Ленинграде. Работала на заводе, служила в ПВО. Награждена медалью «За оборону Ленинграда».

**Дьяков Борис Дмитриевич**, 1938 года рождения. Оставался с матерью в городе безвыездно. Ребёнок блокадного города. Жив и сейчас. Мой отец.

**Сальников Николай Сергеевич**, дед по матери. 1912 года рождения, уроженец города Москвы. Старший сержант разведроты Четвёртого Украинского фронта маршала Толбухина. Ушёл на фронт 7 ноября 1941 года с Красной площади. Воевал на Кавказе, освобождал Венгрию, Австрию, закончил войну в Праге 9 мая 1945 года. Кавалер ордена Славы, награждён медалями «За оборону Москвы», «За отвагу», «За победу над Германией» и др. Работал после войны следователем в МУРе, награждён грамотами и знаками отличия. Ушёл в отставку в звании майора.

## Ленинград

Дьяков Дмитрий Иванович до войны работал киномехаником. С Машей (в девичестве Мясова) познакомились в 1936 году в Доме культуры в Хвойной. Она – активная комсомолка, секретарь комсомольской организации текстильной фабрики «Работница», он – киномеханик передвижной бригады, приехал из Питера показывать на селе документальные фильмы о строительстве новой страны Советов. Вместе в клубе работали над стенгазетой. Стоял июнь, ночи светлые. Вечерами они долго ходили по аллее между высокими соснами. Оказалось, он просто бредит кино. Много рассказывал о фильмах, об артистах, показывал сцены из «Весёлых ребят», сам мечтал стать актёром. Оба много смеялись. Наутро ей надо было возвращаться в Ленинград. Но он обещал, что обязательно её найдёт. И нашёл.



Они поженились, спустя год, в июле 1937 года. Свадьба была комсомольская, шумная, а осенью Дмитрия призвали в армию. Он стал артиллеристом. Сын Борис родился в июле 1938 года. Отец приехал ненадолго повидаться, а потом снова – на службу. Он заканчивал командирские курсы.

Потом – финская, письма с фронта, в каждом вопрос, как Борька? Как ты? О себе Дмитрий писал неизменно – всё отлично, бьем гадов. Потом уже оказалось, был ранен, лежал в госпитале... Перед началом войны Мария Васильевна работала в артели «Электро», Борьку пристроила в детский сад. В связи с трудной обстановкой Дмитрий давно не приезжал, отпусков не давали, но писал регулярно. Стояли где-то в районе Пскова.

22 июня 1941 года началась война. Машу и ещё несколько комсомольских вожakov вызвали в горком. Второй секретарь был строг и лаконичен. «Товарищи, партии очень нужны надёжные люди на самых важных объектах города, в первую очередь там, где касается продовольствия, обеспечения фронта, госпиталей». Так по комсомольской путевке Дьякова Мария Васильевна пришла на хлебозавод № 7 на углу проспекта Энгельса и Ланского шоссе, где возглавила комсомольскую организацию. Жили они с Борькой недалеко, в городке текстильщиков на Лесной, 59. От мужа писем не было. Где, он, как, жив ли – Маша ничего не знала. Но старалась не терять

надежды. Вскоре встал вопрос об эвакуации из города – враг приближался. Детский сад, в который ходил Борька, вывозили одним из первых. Борька не хотел уезжать, кричал, упирался, убежал от нянечек, спрятался, никто его найти не смог. Машу распекало начальство, не могли, мол, сына воспитать, как надо. Она старалась держаться спокойно. Найдётся. Пусть не едет. Как-нибудь выживем. Уехали без Борьки. Маша не могла покинуть завод, попросила товарищей найти Борьку – нашли в чулане, грязного, замёрзшего, перепуганного. Когда ребёнка привели к матери, весь дрожал. Ругать его, наказать – рука не поднялась, отмыла, накормила, уложила спать. А спустя сутки новость – эшелон, в котором эвакуировался детский сад, немцы разбомбили полностью, никто не выжил. Маша как узнала, так и села на кушетку без сил, слёзы покатались из глаз. Повернулась, Борька спит, как ни в чём ни бывало, сопит во сне, шинелью прикрылся – кто-то из товарищей подкинул, чтоб не мёрз. Прижала его спящего к себе и тихо плакала.

Хлебозавод шефствовал над детским домом, что располагался неподалёку в бывшем имении графов Ланских. Маша определила Борьку туда – всё-таки под присмотром будет, под охраной. В коммуналке, где жили, одного оставлять побоялась. Кольцо блокады сомкнулось, начинался голод, лихих людей появилось немало, мало ли что. А она всё время на заводе – здесь и спит, и ест. От мужа прилетело письмецо – старое, ещё августовское. Оказалось, попали в окружение, но пробились, вышли к своим, сейчас на переформировании. Жив, был легко ранен, но всё зажило. «Ты, меня, Маша, знаешь, на мне, как на собаке».

Как вспоминает отец, в бывшей графской усадьбе ему очень нравилось – парк, пруд. Гонялись с мальчишками без устали, на старой авиационной лыже с горки съезжали наперегонки. А как завоет сирена воздушной тревоги – сразу в укрытие.

На Ланском мосту стояла зенитная батарея, защищали хлебозавод. Слышно было, как ухают зенитки. А потом пронзительный скрежет, так что чуть барабанные перепонки не лопаются – сбили! Сбили! Мальчишки прыгали от радости. На спор по звуку определяли, вот это «Юнкерс» летит, а это мессер. А это наши, наши ястребки! На крышу выскакивали, как бы воспитательницы ни ругались, посмотреть на воздушные баталии. Даже сейчас, когда прошло очень много лет, отец, не глядя в телевизор, издали в кадрах военной хроники только на слух угадать может: вот это «Юнкерс», а это «мессер», а это наши... И ни разу не ошибётся. Разве ж забудешь? Разве забудешь размоченный хлебный мякиш, жидкую кашу – нехитрый блокадный рацион детского дома.

Отколотый кусочек сахара – самое желанное лакомство, которое приносила мать, прибегая с завода навестить сыночка.

От Дмитрия Ивановича больше писем не было. Пришло известие – пропал без вести. А чуть позднее... «22 января 1942 года. Ваш муж Дьяков Дмитрий Иванович, уроженец г. Ленинграда в бою за социалистическую родину, проявив героизм и мужество, был убит германскими фашистскими войсками... Подписи. Военный комиссар. Начальник штаба...»

В те военные годы Маша сыну ничего не сказала. Пусть, думает, отец пропал без вести, надеется. А вдруг, вдруг ошибка?! Узнал он о том, что отец погиб, уже после войны, когда подрос.

Не слушаясь воспитателей, мальчишки, бывало, бегали на батарею. Усталые зенитчицы в фуфайках, перепоясанных ремнями, тяжёлых кирзовых сапогах делились пайком. Обрато цеплялись за трамвай – подкидьш, чтоб вернуться в детский дом, он ходил по Ланскому шоссе.

Но скоро трамвай исчез – немцы подошли к Поклонной горе, совсем близко. Это был самый тяжёлый момент. Все знали, отступить некуда, но о том, чтобы сдать не могло быть и речи. Все, кто мог держать оружие, встали в строй. Смены на заводе сократили по численности до минимума, один работал за четверых, оставшихся направили на строительство укреплений – готовились к уличным боям. Ни мгновения сна – чудовищные артобстрелы не стихали ни днём, ни ночью. Немцы били прямой наводкой. Налёты авиации ужесточились. Маше выдали винтовку и патроны – вот пригодилось, когда ходила на курсы стрелков юной комсомолкой. Ни секунды отдыха, расслабленности. То дежурство на крыше, сбрасывали зажигалки, то организаторская работа, а главное – хлеб. Осаждённый город должен получать хлеб. Рискую жизнью, водители полуторок везли муку по ладожскому льду. Город должен получить норму – пусть даже немцы уже будут на пороге.

В короткую минуту передышки – мысли о Борьке. Дети практически дневали и ночевали в убежище. Весь Ланской сад перерыло снарядами, в дом попала бомба, и одно крыло было полностью разрушено. Вскоре пришлось и пострелять. Немцы сбросили десант, но силами охраны завода и рабочих его удалось ликвидировать.

Как-то под утро, вымотавшись, Маша задремала за столом в красном уголке, где располагался штаб МПВО. Вдруг дверь хлопнула, вбежала Тая, подруга ещё с довоенных лет. «Маша, отбили! Отбили! – прокричала она, обнимая её. – Моряков подбросили. Отбили, Маруся! Удержались мы!». И правда, всё стихло. Страшная была эта тишина – среди руин.

За участие в обороне города Ленинграда Дьякову Марию Васильевну наградили медалью «За оборону Ленинграда», наградили одной из первых. Победу 9 мая Борька и мама отмечали радостно, в кругу людей, с которыми пережили тяжелые блокадные годы. Обнимались, танцевали под гармошку. Старались скрыть слёзы. Но не получалось.

Вот и минуло семьдесят пять лет с того победного дня. Незаметно пролетело. Сейчас Борису Дмитриевичу самому уж лет больше, чем было в военную пору его отцу и матери, если возраст их вместе сложить.

В послевоенные годы Мария Васильевна продолжала работать в комсомольских и партийных организациях на крупных предприятиях нашего города. Не раз звали и в горком, но память о необыкновенном единстве в военные годы удерживала – хотелось всё-таки быть ближе к людям, ближе к настоящей, рабочей жизни. Здоровье, правда, подводило. Умерла бабушка рано, сказались лишения военных лет.

Борис после войны окончил школу, поступил в ЛЭТИ. Как и мать, пошёл по общественной линии. Работал зампредом в исполкоме Курортного района Ленинграда. История страны ещё раз красной чертой прошла по его судьбе. В августе 1991 года он возглавлял Совет народных депутатов Курортного района, когда в Москве начался путч. Борис Дмитриевич сразу собрал депутатов, связался со штабом в Смольном. Владимир Путин, заместитель мэра, с которым он держал связь, сообщил, что обстановка напряжённая. Петербург выступит против путча. «Приезжайте в Петросовет».

Помню, я была на работе, в офисе на ул. Герцена 35, когда отец позвонил и сказал: «Еду в Петросовет. Немедленно отправляйся домой». Я вышла на улицу Герцена. Было мрачно, солнца не было. Со всех сторон люди стекались к Петросовету, прошла информация, что на Петербург идет Псковская дивизия. Молодые люди уже возводили баррикады на Герцена, один схватил меня за руку. «Девушка, бегите домой, тут стрелять будут! Бегите по Гороховой, она узкая, там танки не пройдут». Помню решительность, с которой возразила. «Нет, у меня там в Петросовете отец, я не могу, я останусь с ним». Помню напряжение этого дня, выступление мэра города Анатолия Собчака. Помню, через охранника Мариинского дворца передала отцу, что стою внизу. Он спустился, провел внутрь. Мы разговаривали негромко в коридоре, когда сзади услышала знакомый голос: «Виктория Борисовна, немедленно домой» Обернулась. «Здравствуйте, Владимир Владимирович». Мы пересекались по линии комитета по международным

связям. Я работала во внешнеторговом объединении и несколько раз переводила на переговорах. « Не могу, – сказала я. – Я должна остаться здесь ». Он внимательно посмотрел на меня. Кивнул « Понимаю ». « Борис Дмитриевич, пойдём, дел много », – позвал отца. Помню напряжение этой ночи. Радость от известия, что с командованием Псковской дивизии удалось договориться, и танки в город не придут. И яркое утро 20-ого августа, когда площадь перед Мариинским дворцом была необыкновенно чиста, а в солнечном синем небе реял трёхцветный флаг новой России.

После путча Борис Дмитриевич продолжил работу в Курортном районе. Вышел на пенсию при Александре Дмитриевиче Беглове, который тогда был его начальником. Провожали его с почестями. До сих пор бывшие руководители помнят своего соратника. И от Владимира Владимировича звонят секретари, поздравляют с датами, и из приёмной губернатора. На Культурном форуме в ноябре Александр Беглов позвонил мне к себе, спросил. « Ну, как отец-то там? Как самочувствие? ». « Здоровье подводит, конечно, – говорю. – Но на выборы встал, пошёл сам, отказался, чтоб на дом приходили. Сам ходил голосовать. Сказал, за Александра Дмитриевича сам проголосую ». « Спасибо ему, – откликнулся губернатор. – Ну, если что со здоровьем серьёзное, так сразу мне звонок в приёмную, помни, немедленно! Все силы поднимем ».

Теперь Борису Дмитриевичу восемьдесят с лишним лет. Жизнь пронеслась, отданная служению людям. Он ходит, опираясь на палку, вокруг дома на любимой даче, смотрит на яблони, посаженные тридцать лет назад. Точно такие же старые яблони рисует ему память из того военного сада, яблони, что росли вокруг усадьбы Ланских, яблони, покорёженные снарядами, и словно слышатся ему снова уханье зениток на Ланском мосту и отдаленная канонада. Подойдя к краю речки и глядя на высокие ели впереди, ещё опутанные ржавой колючей проволокой с финской войны, вспомнит маму – молодую, кареглазую. И отца, которого помнит только по фотографиям. Вздохнёт старик, и опираясь на палку пойдёт домой. И слезинка скатится по сморщенной щеке.

## Москва

Не могу не рассказать и о военной судьбе второго деда Сальникова Николая Сергеевича.

Родился в Москве. Прабабушка Анна Михайловна Сальникова (в девичестве Круглова) отправила на фронт четверых сыновей. Ей повезло, как редко кому в то время – все четверо вернулись с во-



ины живыми. Второй сын Александр служил моряком на Тихоокеанском флоте. Под Ленинградом танкистом воевал Сергей Сальников, горел в танке, был тяжело ранен. Владимир Сальников, самый младший из всех, был призван уже в конце войны, воевал на Балтийском флоте. Когда в честь дня Победы все сыновья съезжались в гости к матери, глаза слепило от наград, сверкавших на пиджаках.

Николай Сергеевич был самым старшим из братьев и самым любимым у матери. В 1939 году он был призван в армию и сразу попал на финскую. Спросили: «На лыжах ходить умеешь?» – «Да, конечно», – ответил. И – вперёд. После финской Николая направили в Свердловск – в школу НКВД. Там он и узнал о начале войны. Курсантов НКВД бросили к Москве вместе с легендарными сибирскими дивизиями, когда немцы уже стояли у ворот города. Семейная легенда говорит о том, как на заснеженном полустанке встретились два брата – Николай и Александр, один ехал с эшелонам в Москву, другой со своим эшелонам – на восток. Встретились, обнялись, и каждый побежал к своему вагону – такое тоже случалось. Не знали, увидятся ли снова. Прибыв в Москву, курсанты узнали, что им выпала особая честь – пройти маршем перед Мавзолеем Ленина в честь очередной годовщины Октябрьской революции.

Воспользовавшись передышкой, Николай добыл через поли-трука пропуск и машину, – просто чудом удалось, – и бросился в Савинскую слободу под Звенигородом, где тогда жила его мать Анна и молодая жена Катя с двумя детьми. По сообщениям, которыми располагали, немцы уже вошли в деревню Дураково – всего в трёх километрах от Савинской слободы. Пробившись через все кордоны, Николай успел вывезти семью, когда немецкие танки уже показались у околицы.

Утром 7 ноября 1941 года Сальников Николай Сергеевич в строю курсантов стоял на заснеженной Красной площади и слушал обращение Сталина.

*«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить разбойничьи орды немецких захватчиков. На вас смотрят порабождённые народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас непобедимое знамя великого Ленина!»*

Пройдя маршем по Красной площади, курсанты НКВД были отправлены сразу после парада на фронт – в окопы на участок обороны недалеко от разъезда Дубосеково на стыке со знаменитой дивизией генерала Панфилова. В тот же день они подверглись первым танковым атакам наступающей немецкой группировки. Удар был такой силы, что на некоторых участках оборона была прорвана. Отряд, с которым находился Николай, закрепился в разрушенной деревеньке. Вскоре поняли, что оказались в окружении, отрезанные от своих. Тяжело раненый в живот полковой комиссар передал Николаю полковое знамя, документы и приказал прорываться к своим. «Меня оставьте здесь! – приказал он. – Всё равно не донесёте». Решение было тяжёлым, но другого выхода никто не видел. Когда бойцы покинули дом, сзади раздался выстрел – комиссар застрелился.

Мороз стоял сильный, снег был глубокий, идти было очень трудно, бойцы выбивались из сил. Но ещё тяжелее было перейти дорогу, по которой непрерывным потоком шли танки и техника противника – на Москву. Дождавшись краткого просвета, всё-таки проскочили. Дальше шли по заснеженному полю, и только когда забрезжил рассвет, увидели впереди несколько кавалеристов – наши! Наши! Бойцы замахали руками. Но было странно, что никто не приближался к ним. Только когда дошли сами, узнали, что только что прошли по минному полю – и это было второе чудо: ни одна мина не взорвалась!

Сальников Николай Сергеевич воевал на Кавказе – против знаменитой немецкой горной дивизии «Эдельвейс». Участвовал в Курской битве, в Корсунь-Шевченковской операции. С Четвёртым Украинским фронтом маршала Толбухина он прошёл Румынию, Венгрию, Австрию.

Командир взвода разведчиков, года он стал участником в феврале 1945 легендарной операции по захвату «языка», которая раскрыла планы немцев по деблокированию окружённой в Будапеште группировки и позволила нанести сокрушительное поражение самой знаменитой танковой дивизии фюрера «Лейбштандарт Адольф Гитлер». После этого поражения дивизия практически прекратила своё существование. За эту операцию Николай Сергеевич был награждён орденом Славы.

Войну Николай закончил в Праге, 9 мая 1945 года. Вернувшись с фронта, был направлен на работу следователем в МУР. Почти двадцать лет стоял на страже закона и ушёл в отставку в звании майора.

Помню, любимой песней деда всегда была «На безымянной высоте» Баснера и Матусовского. Я всегда думала, что он вспоминал, слушая ее? Разрушенный заснеженный домишко под Москвой и следы крови на снегу, горящий решимостью взор комиссара – «веди людей, меня оставь здесь»?

Или напряжённую тишину в окопе недалеко от озера Балатон, когда забрезжил рассвет, и перед взорами бойцов предстала такая лавина танков со знаком ключа на башнях – знаком дивизии «Лейбштандарт», – какой они и в сорок первом году не видели? Как, увидев жерло наведённого орудия, он бросился спасать командира? Не знаю. Наверное, и то, и другое, и третье. Помню, как почти на каждый день Победы приезжал к Николаю Сергеевичу в гости командир батальона, как благодарил, что спас, и повторял, что всю жизнь помнить будет. И помнил, пока был жив.

Что сделать, чтобы память о пережитом не исчезла? Я сделала то, что мне по силам. Я написала роман «Балатонский гамбит», включив в него все рассказы моего деда о том, что они там пережили.

Сальников Николай Сергеевич стал прототипом старшего сержанта Косенко, командира взвода разведчиков. Издательство «Вече» издало книгу и, более того, сделало аудиозапись. Теперь в Интернете можно послушать о том, как старший сержант Косенко взял «языка», и как он спас командира, и как потом горстка бойцов сдерживала атаки немецких танков и пехоты «на безымянной высоте». Текст читает артист Валерий Герасимов. Это мой памятник моему любимому деду.